

НРОО «Гильдия молодых библиотекарей»

Без них Россия
была бы другой

Андрей Иванович
Остерман
(1686-1747)

Андрей Иванович Остерман (1686-1747)

Жизнь и судьба графа Остермана характерна и поучительна в русской истории, как пример человека «сделавшего себя», выдвинувшегося из низов, служившего при шести правителях России, достигшего вершин власти, человека, которого полушутя называли «царём всероссийским» и который растерял всё своё могущество и влияние при очередном престолонаследнике.

4 мая 1703 года в Германии, в городе Иене, в трактире «У Розы», подрались подвыпившие студенты, и один из них, вытащив шпагу, убил товарища. Так, с убийства в пьяной кабацкой драке начал свою самостоятельную жизнь шестнадцатилетний студент, будущий первый министр России Гёнрих Иоганн Фридрих Остерман (нем. Heinrich Johann Friedrich Ostermann).

А ведь до этой драки всё шло как нельзя лучше. Генрих — миловидный, невысокий юноша, послушный сын пастора из маленького вестфальского городка Бохума - родился в 1686 году, хорошо учился в школе, легко поступил в Иенский университет. Отец его рассчитывал, что сын станет пастором, богословом, может быть, даже профессором. И вот такое ужасное происшествие! Говорят, что бедный отец упал в обморок от стыда и горя, когда ему пришлось с кафедры родной церкви зачитывать объявление о розыске собственного сына, который не отдался послушно в руки полиции, а бежал из Иены неведомо куда...

Страшась правосудия, Остерман бежал в Голландию, в Амстердам... В тесных и шумных предпортовых улочках этой торговой Мекки Европы и укрылся беглый студент, без гроша в кармане, без будущего. Как раз в это время Петр I основывал Петербург и остро нуждался в специалистах. Поэтому царь послал в Амстердам недавно нанятого им адмирала Корнелия Крюйса, чтобы набрать людей для работы в Московии. Здесь они и познакомились. Остерман выбрал Россию — он знал, что его старший брат Иоханн был учителем в Москве, состоял при русских царевнах, дочерях покойного царя Ивана Алексеевича, брата Петра I.

Крейс принял его к себе секретарём. Попав в 1704 году в Россию, юноша, владевший латинским, немецким, французским, голландским, итальянским языками, научился свободно говорить и писать по-русски. Как-то раз корабль Крейса посетил Пётр I. Он попросил вице-адмирала найти ему толкового чиновника, который сумел бы написать грамотно письмо. Крейс представил царю Остермана. Так, в мгновение ока, решилась его дальнейшая судьба. С тех пор Остерман, которого русские называли Андреем Ивановичем, неотлучно находился при государе, постепенно поднимаясь всё выше и выше по служебной лестнице, получая чины и награды. Умирая, государь пожелал, чтобы Остерман находился у его постели.

С 1708 года Андрей Иванович Остерман был определён в дипломатическое ведомство Посольскую канцелярию — в качестве переводчика к вице-канцлеру Шафирову, в 1711г. участвовал вместе с ним в печально знаменитом Прутском походе и переговорах с великим визирем о перемирии. За это был пожалован в тайные секретари. Так Остерман оказался при деле, потому что он был нужен петровской России. Гибкий ум, исполнительность, немецкая педантичность и точность — всё это было по нраву царю. И ещё было одно качество, которое поражало всех в России, — фантастическая работоспособность. По отзывам современников, он работал всегда: днём и ночью, в будни и праздники, чего ни один уважающий себя русский министр позволить себе, конечно, не мог.

В 1713 году он уже выполняет устное дипломатическое поручение государя к прусскому королю Фридриху I, ездит в Берлин, посещает другие страны с различными царскими наказами.

С годами значение Остермана-дипломата только росло. Без него не обходилось ни одно крупное внешнеполитическое событие, в котором участвовала русская дипломатия. Вершиной профессиональных успехов Остермана можно считать заключение осенью 1721 года Ништадтского мира со Швецией, по которому Россия получила прибалтийские территории. И хотя имя Остермана стоит в списке полномочных послов в Ништадте вторым после графа Якова Брюса, но именно он, Остерман, был мозгом русской делегации, истинным отцом выгоднейшего для России договора. И царь Петр это понимал. В день празднования Ништадтского мира Остерман становится дворянином и бароном — мог ли об этом мечтать скромный пасторский сын из Бохума, по которому долго плакала петля на иенской виселице? Ему же принадлежит и заключение в 1723 году выгодного для России торгового договора с Персией, доставившего ему звание вице-президента коллегии иностранных дел. Это ордена, награды, земли... и даже женитьба по указанию царя на одной из первых знатных русских красавиц — Марфе Стрешневой.

В чем же была сила Остермана как дипломата? Сохранившиеся документы демонстрируют его железную логику, хватку, здравый смысл, изощрённый ум, умение учесть, взвесить все обстоятельства дела, предусмотреть все негативные последствия политических поступков. Русскую внешнюю политику вице-канцлер строил на последовательном соблюдении российских интересов, трезвом расчете, намерении и умении завязывать союзнические отношения только с теми державами, которые могут быть полезны России. Остерман тщательно, педантично, «по-бухгалтерски» анализировал, сопоставлял соотношение «генеральных интересов» России и «польз» или «опасностей», проистекавших от ее возможных партнеров и союзников. Как для руководителя внешней политики, для него было характерно развитое чувство равновесия, расчётливость и, главное, стремление оставить России поле для дипломатического манёвра, а соответственно для самостоятельной политики.

«Наша система, — писал Остерман в 1728 году, — должна состоять в том, чтобы убежать от всего, ежели б могло нас в какое пространство ввести». То есть сохранить свободу действий, не дать втянуть себя в сомнительную авантюру или невыгодный союз. Это был не знак трусливой политики, но призыв во всем действовать с умом. В 1726 году Остерман выступил инициатором заключения союза с Австрией, «генеральные интересы» которой в Польше и в Причерноморье тогда в точности совпадали с русскими. И этот расчет вице-канцлера оказался точен на столетие — почти весь XVIII и начало XIX века Россия и Австрия были вместе. Белые мундиры австрийцев оказывались рядом с зелеными мундирами русских во всех войнах с Пруссией, Турцией, при разделах Польши, в походах против Наполеона.

В 1723 году Остерман стал сенатором, потом заменил Шафирова на посту второго лица в дипломатическом ведомстве. Пётр I поручил ему реорганизовать Коллегию иностранных дел. Андрей Иванович рьяно взялся за дело, составив проект нового штата канцелярии и обновив регламент. Его проект-записка, названная «К сочинению и определению канцелярии Коллегии иностранных дел предложение», - один из лучших документов того времени, который изучался и использовался на протяжении всего XVIII века. Пётр I отдавал должное уму и прозорливости Остермана, отмечал, что он лучше других министров знает истинную пользу Российского государства. Андрей Иванович был постоянным советником Петра I и в делах внутреннего управления: по его указаниям составлен «Табель о рангах».

Со смертью Петра в России начался нескончаемый передел власти, продолжавшийся почти весь XVIII век. С вступлением на престол Екатерины I Остерман, как сторонник императрицы и Меншикова, назначается вице-канцлером, главным начальником над

почтами, президентом коммерц-коллегии и членом Верховного тайного совета. Назначенный обер-гофмейстером (воспитателем)

Петра II, на которого, однако, мало имел влияния, он остался и после удаления Меншикова во главе управления. На всех должностях Остерман был тем, кем его создала природа и сформировал житейский опыт: умным, хитрым, скрытным, эгоистичным человеком, беспринципным политиком, хорошо знавшим себе цену. Он был одним из тех редчайших деятелей России XVIII века, кто не замарал себя взятками и воровством. Его жизнь целиком была поглощена работой и интригами. Все остальное казалось ему второстепенным и неважным.

Андрей Иванович, прожив в России почти полстолетия, так и не приобрел ни друзей, ни приятелей. Он был всегда одинок. Да это и понятно — общение с Остерманом было крайне неприятно. Его скрытность и лицемерие были притчей во языцех, а не особенно искусное притворство — анекдотично. В самые ответственные или щекотливые моменты своей политической карьеры он внезапно заболел. У него открывалась то подагра правой руки (чтобы не подписывать опасные бумаги), то ревматизм (чтобы не ходить во дворец), то мигрень (чтобы не отвечать на щекотливые вопросы). Он надолго ложился в постель, и вытащить его оттуда не было никакой возможности — он так громко стонал, что несчастного больного было слышно с улицы. Нередко во время дипломатических переговоров, когда вице-канцлер хотел прервать неудобный для него разговор, у него вдруг начиналась рвота. Но в своем притворстве Остерман знал меру: острый нюх царедворца всегда подсказывал ему, когда нужно лежать пластом, еле приподнимая веки, а когда, стена и охая, нередко на носилках, все-таки следует отправиться во дворец.

После смерти Екатерины I в 1727 году в государстве вновь начались раздоры. Одни стояли за возведение на престол внука Петра I, сына царевича Алексея — Петра II, другие ратовали за Елизавету, дочь императора от второго брака. Хитроумный Остерман предложил женить двенадцатилетнего Петра II на его же тётке, семнадцатилетней Елизавете. Но не получилось. Остерман по разумным соображениям взял сторону Меншикова, и на престол был возведён Пётр II.

Однако с новым государем дело не заладилось. Он неожиданно скоропостижно скончался. Тогда вспомнили о племяннице Петра I Анне Иоановне, пригласив её из Курляндии, где она проживала со своим фаворитом Бироном. Был созван Верховный тайный совет (куда входил и Остерман), призванный решить этот сложный вопрос о престолонаследии. Голоса в нём разделились. Решающее заседание Остерман всё откладывал, сказавшись больным. Наконец, к нему явился князь Д. Голицын, ярый сторонник Анны Иоановны, убедив «не мешкать». Как пишет Ключевский, «тут ожил и Остерман; всё время он сидел дома больной, совсем собрался умирать, причастился и чуть ли не соборовался, но теперь стал вдохновителем новой кампании». На престол в 1730 году была посажена Анна Иоановна. Подразумевалось, что она во всём будет слушаться членов Верховного тайного совета и править лишь номинально. Но в России такие номера с бесправным управлением не проходят. Анна Иоановна разорвала все прежние договорённости и многих членов совета подвергла опале. Избежал этой участи лишь Остерман. Более того, в правление императрицы Анны Иоановны (1730-1740) он ближе всего подошел к вершине власти: был возведен в графское достоинство и в звании второго кабинет-министра вошел в состав вновь учрежденного Кабинета. С 1733 г. председательствовал в военно-морской комиссии "для рассмотрения и приведения в добрый и надежный порядок флота, адмиралтейств и всего, что к тому принадлежит". В 1734 г. получил звание первого кабинет-министра. Он стал влиятельным сановником и уже не ограничивался только внешней политикой, а вел и внутренние дела. Своей колоссальной

Герб графа Остерман

*Герб графа Остермана
(«Ни солнце, ни холод не заставят
измениться»)*

занявший его место, всячески мешал своему бывшему покровителю «всплыть» на поверхность. Потом кумиром Андрея Ивановича стал А.Д. Меншиков. И его Остерман предал ради Петра II и князей Долгоруких. При Анне Иоановне он заигрывал сначала с фельдмаршалом Минихом, а потом долго добивался расположения Бирона, став со временем для временщика незаменимым помощником и консультантом. В этой черте Остермана-политика нет какой-то особой злокозненности характера: «так поступают все».

получил от императрицы серебряный сервиз, бриллиантовый перстень и пенсию в 5 тысяч рублей.

После смерти Анны Иоановны явилась на непродолжительное время новая государыня – Анна Леопольдовна. Остерман на всякий случай по старой привычке вновь «сделался

работоспособностью, умом он явно подавлял других своих коллег. Действительно, императрица Анна Иоановна, женщина простая и темная, высоко ценила своего министра за его солидность, ученость и обстоятельность. Без совета Остермана ей было не обойтись — надо только набраться терпения и, пропуская мимо ушей все его многочисленные оговорки, отступления и туманные намеки, дождаться дельного совета, как следовало бы поступить.

Остерман был хорош для Анны как человек, целиком зависимый от ее милостей. Он так и не сумел стать для русских своим. Хотя он и взял в жены девушку Марфу из старинного боярского рода Стрешневых, но оставался для русской знати чужаком, «немцем», что было, как известно, не лучшей характеристикой человека в России. Потому-то он так плотно и льнул к сильнейшему. Остерман всегда делал это безошибочно. Вначале таким человеком был для Андрея Ивановича его шеф, вице-канцлер П.П. Шафиров. Но когда в 1723 году Шафиров оказался в опале, Остерман,

Остерман являлся для Бирона лучшим советником во всех серьезных делах по внутреннему управлению. По мысли Остермана был учрежден кабинет министров, в котором вся инициатива принадлежала ему и его мнения почти всегда одерживали верх, так что Остерману всецело следует приписать тогдашние действия кабинета: сокращение дворянской службы, уменьшение податей, меры к развитию торговли, промышленности и грамотности, улучшение судебной и финансовой частей и многое другое. Им же были улажены вопросы голштинский и персидский и заключены торговые договоры с Англией и Голландией. Он был против разорительной войны с турками, закончившейся заключенным им Белградским миром. В награду

больным». Но болезнь эта длилась недолго. Как только Бирона отправили в ссылку, Остерман «выздоровел» и опять стал фактически главой правительства, получив ещё и морской чин – генерал-адмирала. Так случилось, что к началу 1741 года политическая сцена вдруг расчистилась от сильных фигур. У власти стояла слабая и недалекая правительница Анна Леопольдовна. Тогда-то Остерман и решил, что его час пробил! Та скрытая честолюбивая энергия, которая в нем klokотала с юности, вырвалась наружу. Он стал при правительнице первым министром, фактическим руководителем государства. Это был час триумфа, победы...

Остерман впервые вышел из-за кулис на авансцену политики. Привыкший действовать в политических потемках, умевший загребать жар чужими руками, он оказался несостоятелен на свету как публичный политик, лидер. Остерман не имел необходимых для этой роли качеств — воли, решительности, авторитета, того, что называют харизмой. Да и врагов у него было много. Один из них только и ждал момента, чтобы вцепиться в Остермана... Это была красавица-цесаревна Елизавета Петровна, знавшая о многих интригах Остермана против нее. Она хорошо помнила, как он хотел выдать ее замуж за какого-нибудь захудалого германского принца, как приказывал следить за каждым ее шагом, как, наконец, в 1740 году не позволил персидскому посланнику вручить ей от имени шаха Надира роскошные подарки. Нет, такое забыть было нельзя! Поэтому неудивительно, что переворот 25 ноября 1741 года, приведший к власти Елизавету Петровну, имел для Остермана роковые последствия.

Через шпионов он знал о заговоре сторонников Елизаветы Петровны, но его предостережения были оставлены Анной Леопольдовной без внимания.

В ту же ночь, когда была арестована Анна Леопольдовна, арестовали и Остермана. Граф Остерман, пораженный несчастием, заболел настолько опасно, что врачи не ручались за продолжение его жизни до произнесения приговора. Немецкий биограф его говорит: «У него была рана на ноге, которая во время заключения, не без умысла с его стороны, или просто по неосмотрительности, доподлинно сказать не могу, до того разболелась, что перешла в раковидную, или скорее гангренозную, и все доктора решили, что ему жить недолго. Поднят был вопрос о том, чтобы из крепости его перенести в Зимний дворец, где приложены были самая заботливая о нем попечения и уход. Императрица Елизавета приказала не только встретить его ласково и заботиться о его здоровье, но, как говорят, сказала при этом: „что ей жаль так жестоко поступать с столь знаменитым старцем, но того требует справедливость“. Особая комиссия, назначенная для исследования преступлений сановников, состояла из пяти членов; то были граф Ушаков, князь Трубецкой, генерал Левашов, князь Куракин и тайный советник Нарышкин». Следственная комиссия взвела на Остермана множество разных обвинений:

- подписав духовное завещание Екатерины I и присягнув исполнить его, он изменил присяге;
- после смерти Петра II и Анны Иоанновны устранил Елизавету Петровну от престола; сочинил манифест о назначении наследником престола принца Иоанна Брауншвейгского;
- советовал Анне Леопольдовне выдать Елизавету Петровну замуж за иностранного «убогого» принца;
- раздавал государственные места чужестранцам и преследовал русских;
- делал Елизавете Петровне «разные оскорбления» и т.п.

За все это он был приговорен к колесованию.

День казни был назначен на 18 января 1742 года. К эшафоту, воздвигнутому на Васильевском острове, перед зданием двенадцати коллегий (на месте нынешнего биржевого сквера), потянулся из крепости ряд простых крестьянских саней с государственными преступниками. Первым везли Остермана, в шубе, теплом шлафроке и в колпаке; за ним

Миниха, который ради какого-то мелодраматического эффекта облачился в красный, военный плащ, в котором совершал походы в Данциг и к Очакову.

Остерман А.И. на эшафоте

была не безызвестна Остерману. С тем же спокойствием он, снятый со стула и опущенный на колена на помост, положил голову на плаху. Палач оправил ворот сорочки, поднял топор и мгновенно отвел его в сторону, опустив на помост при слове: прощение. Императрица заменила Остерману смертную казнь пожизненную ссылку для всех осужденных.

Императрица определила графа на вечное заточение в Берёзове. Когда князь Яков Шаховской, выполнявший волю императрицы, прочитал ему в Петропавловской крепости предписание о немедленной отправке в ссылку, бывший первый министр, лежа на соломе,

Вид города Берёзова в XVIII столетии. С гравюры XVIII в.

только стонал. Старый, мудрый лис понял, что ему уже не выкрутиться, что капкан замкнулся навсегда и его, всегдашнего предателя, все предали. Нет, не все! У дверей тюрьмы стояла, переминаясь на морозе, закутанная в шубу Марфа. Она, как и жена Миниха, подельника Остермана, ждала, когда повезут в ссылку ее мужа, чтобы сесть с ним в сани и разделить его судьбу... Последние его слова при отъезде состояли в покорнейшей просьбе, чтобы императрица не оставила милостивым и великодушным покровительством его детей.

Дети его действительно не были «оставлены милостью»: старший сын, Фёдор Андреевич, дослужился до генерал-поручика, стал тайным советником, сенатором, а младший, граф Иван Андреевич, поднялся ещё выше, занимал в будущем пост канцлера России. Дочь Анна, в замужестве Толстая, была бабкой графа Александра Ивановича Остермана-Толстого, героя войны 1812 года.

Андрея Ивановича и Марфу привезли в Березов. Из Петербурга охране строго предписывали не спускать глаз с хитреца — не верили его болезням.

Остерман, с женой прожил в Березове пять лет, никуда не выходя и никого не принимая, кроме пастора, и постоянно страдая от подагры. Умирая, он завещал жене похоронить его в европейской России. Она выполнила волю мужа, причем довольно-таки дивным образом. Труп мужа Марфа облила толстым слоем воска и хранила в погребемогиле, выкопанной в вечной мерзлоте, до того момента, пока ее не отпустили на свободу. Она увезла свой бесценный груз в Россию и где-то похоронила мужа. Может быть, в Суздале — там она поселилась в одном из монастырей.

А между тем в Петербурге Остермана очень не хватало — пятнадцать лет внешняя политика России делалась его руками, и получалось это совсем неплохо. Долго пришлось связывать порванные внезапным свержением вице-канцлера нити дипломатической паутины. Но незаменимых людей, как известно, в России нет, и Остермана быстро забыли.

Своими служебными успехами Остерман был обязан недюжинным способностям крупного государственного деятеля и умению приспосабливаться к людям и к обстоятельствам. Он отличался не столько творческими способностями, сколько умением верно понять требования и условия данного момента и поставить себе определенные и вполне достижимые цели. Он обладал достаточной гибкостью, чтобы вовремя отступить в деталях от выработанной программы, если ей противоречили условия живой действительности. Конечная его цель оставалась, однако, постоянно одна и та же; это был государственный интерес - процветание государства, усиление его внешней мощи, при бережном по возможности отношении к народным силам. Чужой в России и вряд ли вообще способный на искреннее национальное чувство, Остерман смотрел на свою государственную деятельность как на взятую им на себя обязанность, добросовестно выполнить которую его заставляли прежде всего его собственные интересы. Приблизившись к Петру Великому и втянутый в его работу, он был, по-видимому, увлечен ею, как европеец, и верно стоял на страже этого дела и после того, как царь-преобразователь сошел в могилу, а его преемники порою забывали, порою сознательно искажали его заветы. Пройдя серьезную служебную школу в тяжелые годы Северной войны, Остерман составил себе ясное представление о тех новых условиях, какие создавались для России ее новым положением в Европе, и о тех задачах, какие из этих условий вытекали. Ученик Петра, во многих отношениях, Остерман, благодаря отчетливости и многосторонности своего ума, являлся нередко активным помощником царя, ясно формулировал его мысли и, быть может, подсказывал порою вытекающие из них выводы. Петровская программа, главным образом в области внешней политики, воспринятая Остерманом и проводимая им с 1721 г., была в некоторых частях его собственной программой.

Ближе ознакомившись после смерти Петра с внутренним положением дел в государстве и с наличными его силами, он становится мало-помалу истинным вдохновителем русской политики. Выделить степень личного его участия в каждом отдельном случае не всегда легко. Лавируя среди различных партий, он нередко был вынужден выжидать удобного момента, когда после целого ряда уступок и компромиссов он мог, наконец, открыто проводить свои взгляды. Все главные моменты русской внешней политики с 1721 по 1741 г. теснейшим образом связаны с именем Остермана. Участие Остермана в делах внутренней политики при Петре сказалось при устройстве коллегий, главным образом - коллегии иностранных дел. После смерти Петра деятельность Остермана по вопросам внутренней политики значительно расширяется и принимает более принципиальный характер. Наиболее рельефно эта деятельность выразилась в предпринятых, согласно его указаниям, мерах, целью которых был подъем народного благосостояния, расшатанного долгими годами

войны, ослабление податного гнета и развитие платежных сил страны. Сюда относятся, например, облегчение по взиманию подушной подати (1726), вексельный устав 1729 г., восстановление торговли с Хивой и Бухарой, учинение "свободного торго" с Китаем. Много было также сделано Остерманом для развития сети почтовых трактов и для восстановления пришедшего при Петре II в упадок флота.

Андрей Иванович, по-видимому, мало кем был искренно любим вне его узкого семейного круга. Крайняя замкнутость в частной жизни и двуличие в деловых отношениях, переходившее зачастую прямо в лживость, были, кажется, главными тому причинами. Наряду со многими несимпатичными чертами в характере Остермана отмечается, однако, и многое такое, что выгодно отличает его от многих из его современников. Будучи скуп, он отличался крайней неподкупностью. Двуличный и лживый, он не изменял тому, кому служил: современники затруднялись назвать державу, интересам которой Остерман сознательно и по корыстным соображениям приносил бы в жертву интересы России. Заботясь о своей личной карьере, Остерман успешно вел интриги против своих соперников; но руководящими мотивами его при этом, наряду с соображениями личного характера, являлось иногда и принципиальное разногласие по вопросам внешней политики.

Передвигаясь на кресле-каталке, Остерман был гениальным интриганом и виртуозом подковерной борьбы. Фридрих II в своих «Записках» характеризует его так: «Искусный кормчий, он в эпоху переворотов самых бурных верной рукой управлял кормилом империи, являясь осторожным и отважным, смотря по обстоятельствам, и знал Россию, как Верней — человеческое тело».

ИСТОЧНИКИ:

- Анисимов Е.В. Дворцовые тайны. Россия, век XVIII / Е. В. Анисимов. - Санкт-Петербург: Питер, 2006. - 320 с.
- Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. - Режим доступа: [www.URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/](http://ru.wikipedia.org/wiki/).- Загл. с экрана. – (Дата обращения - 12.03.2012).
- История государства Российского: Жизнеописания. XVIII век. - Москва: Книжная палата, 1996. - 445 с.
- Остерман А.И. (изображение) [Электронный ресурс] // Русский биографический словарь. – Электрон. дан. - Режим доступа: <http://www.rulex.ru/rpg/portraits/27/27244.htm>. - Загл. с экрана. – (Дата обращения 16.03.2012).
- Остерманиана: биографии и исследования [Электронный ресурс].– Электрон. дан. - Режим доступа: <http://www.ostermanniana.ru/gallery/necropol/mainF.html>. - Загл. с экрана. – (Дата обращения 12.03.2012).
- Трапезников А.А. Русские дипломаты / А.А. Трапезников. - Москва: Росмэн, 2004. - 256 с.

Составитель: Ковалёва О.В.